

ТРАКТОВКА МОНГОЛЬСКОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема сложноподчиненного предложения в монгольских языках до сих пор остается спорной и недостаточно исследованной. Еще в середине XIX века русский монголовед А. А. Бобробников установил в монгольском языке четыре типа сочетания предложений. Причастные и деепричастные обороты были отнесены им к придаточным и названы "второстепенными предложениями" (5, с. 364-375).

Вопрос сложноподчиненного предложения монгольских языков, в том числе и современного монгольского, освещался главным образом в трудах таких советских ученых, как Г. Д. Салжеев, Т. А. Бертагань, Э. К. Касьяненко, Г. Ц. Гурбеев и монгольских исследователей Н. Лувсанвандана, В. Ринчена, Р. Рагчаа, Ц. Цэдэндамба и др.

Известно, что причастные и деепричастные обороты, которыми очень богаты монгольские языки, выполняют функции почти всех придаточных предложений индоевропейского типа. Ввиду этого часть монголистов (также как и некоторые тюркологи) рассматривает все причастные и деепричастные обороты как придаточные предложения, руководствуясь критерием их семантической адекватности.

Так, например, монгольский акад. Н. Лувсанвандан [I, с. 212-224; II, с. 321] считает придаточными предложениями все обороты с субъектным именем в форме родительного и винительного падежей типа Ахин хэдснийг би мартаагүй 'Я не забыл то, что сказал брат'; Чамайг хотоос иртэл би энд хүлээе 'Я по-

жду здесь, пока ты не приедешь из города' и т.п. При таком подходе к оборотам с самостоятельным субъектом не обращается должное внимание на грамматическое оформление данных конструкций, а лишь учитывается их смысловая сторона. Такого же подхода к оборотам придерживается и другой монгольский исследователь В. Рагчаа (18, с. 70-110).

Советский лингвист Э.К.Насьяненко, посвятившая ряд работ вопросам единичности предложения монгольского языка, пытается провести границу между придаточным предложением и оборотом. Различительным признаком придаточных предложений и причастных оборотов автор считает наличие в первом самостоятельного субъекта, отличного от субъекта остальной части предложения (7, с. 12-13). Оборотом, по ее мнению, следует считать такую синтаксическую конструкцию, организующий центр которой (причастие или деепричастие) имеет зависимость от него слова и где отсутствует самостоятельный субъект (8, с. 1). Для подтверждения выдвинутого положения она приводит следующие примеры: Хүмүүс хөрсий нь чанаржуулсныг та мэдсэгдэ юу? 'Вы не знаете, что люди удружили ее почву?'; Кичээл хийж байхад тэмцэйд суудаг уу? 'Сидишь (обычно) спокойно, когда делаешь уроки? Выделенные нами курсивом в составе первого предложения конструкции Хүмүүс хөрсийг нь чанаржуулсныг автор считает придаточным предложением, а выделенную в составе второго предложения конструкцию Кичээл хийж байхад - причастным оборотом. В них исследователь видит "качественно различные конструкции" (8, с. 7), которые "не могут быть расценены одинаково (7, с. 12), так как в первом из них, по ее словам, присутствует подлежащее хүмүүс 'люди', выраженное именем существительным в неопределенном падеже, прямое дополнение хөрсийг нь 'ее

почву', выраженное именем существительным в винительном падеже с частицей личного притяжания и сказуемое чапаржуулсныг 'улучшили', выраженное причастной формой глагола в винительном падеже. Во втором предложении причастная конструкция хичээл хийж байхад "не представляет собой самостоятельного предикативного узла" (7, с. 6), так как действие, выраженное глаголом хийж байхад (деепричастие на -ж + причастие на -х в форме дательного-местного падежа/ принадлежит тому же лицу, которое совершает действие, выраженное глаголом суудаг уу 'сидишь' (7, с. 7).

Кроме того, следует отметить, что здесь не очень четко сформулирована мысль автора. Видимо, она считает, что во второй конструкции, именуемой ею причастным оборотом, отсутствует подлежащее и невозможна его постановка. На наш взгляд, факты языка опровергают такое мнение, так как данный оборот вполне способен приобрести логический субъект действия. Ср.: Сурагчид /хулгуус, Доржийг/ хичээл хийж байхад /чи томоотой суудаг уу 'Ты сидишь спокойно, когда учащиеся /люди, Дорж/ делают урски /занимаются'. Отсюда видно, что в данной конструкции действие, выраженное глаголом хийж байхад, не обязательно должно совершаться именно тем же лицом, что и действие, выраженное глаголом суудаг уу, как полагает В.К. Касьяненко. В подобных сложных конструкциях могут присутствовать разные субъекты действия. Автора, видимо, ввели в заблуждение нюансы монгольского языка, связанные с употреблением частиц притяжания. Итак, если сравнить предложения: "Хичээл хийж байхад томоотой суудаг уу. Хичээл хийж байхдаа томоотой суудаг уу, то в первом может подразумеваться какое-то потенциальное лицо, которое могло бы совершить данное действие, выраженное глаголом хийж

байхад 'когда занимается', и не имеющее прямого отношения к действию, выраженному глаголом суудаг уу 'сидишь', возможным субъектом которого является местоимение второго лица как единственного, так и множественного числа (чи 'ты', га 'вы'). Во втором же предложении постановка самостоятельного субъекта к глаголу хийх байхдаа не допускается из-за присутствия частицы возвратного притяжения -аа. Тут налицо один общий субъект, совершающий действие, выраженное глаголами хийх байхдаа и суудаг уу.

Из приведенных З.К.Касьяненко примеров становится очевидным, что она относит к придаточным предложениям все двучленные подупрецикативные причастные и деепричастные конструкции. При этом автор исходит из того соображения, что они имеют самостоятельный субъект, отличный от субъекта основной части предложения и который считается его основным признаком придаточного предложения. Таким образом, в данном случае квалификация придаточного предложения также дается без всестороннего учета грамматической специфики оформления компонентов, входящих в данную конструкцию.

Обращает на себя внимание и тот факт, что при разграничении "оборота" и "придаточного предложения", автор в известной мере смешивает логическое и грамматическое. Например, в качестве оборота, имеющего общий с остальной частью предложения субъект, З.К.Касьяненко приводит следующие примеры: Харин үэсэн хүн одоо байхгүй 'Но сейчас нет человека, видевшего это'; ...ном дэвтэр бусэндээ хавчуулсан хүмүүс... морно гуядан довтлох ... 'Подстегивая коней, скачут люди, заткнувшие себе за пояс книги и тетради'. Здесь "причастия үэсэн 'видевший' и хавчуулсан 'заткнувшие' значением своей основы относятся к сле-

дующим за ними словам, т.е. имеют общий с остальной частью предложения субъект (7, с. 12). Если исходить глубоко из логики, то, пожалуй, можно говорить, что причастие үзсэн в роли определения к слову хун и глагол-сказуемое байхгүй имеют один общий субъект. Однако если исходить из особенностей структурной организации предложения и грамматического отношения составляющих его компонентов, то никак нельзя отнести определяемый причастием элемент к его грамматическому субъекту, так как здесь просто невозможна постановка подлежащего к причастию үзсэн, не меняя порядка и формы конструкции. Ср.: Хун үзсэн. Хун алга 'Человек видел', 'Нет человека'. Если изменить подобную конструкцию так, чтобы и причастие или деепричастие и глагол имели общий субъект, то приведенный З.К.Касьяненко пример будет иметь совсем иную структуру. Ср.: Ном дэвтэр бүсэндээ хавчуулсан хүмүүс... морно гуядан довтлоно. Подстегивая коней, скачут люди, заткнувшие себе за пояс книги и тетради. Хүмүүс ном дэвтэр бүсэндээ хавчуулан /хавчуулаад/ морно гуядан довтлоно, 'люди, заткнув себе за пояс книги и тетради, скачут, подстегивая коней'. Здесь уместно вспомнить слова Р.А.Будагова о том, что "грамматика не должна растворяться в логике, так как объекты их изучения различны" (5, с. 244).

При подобном толковании оборотов, имеющих общий с остальной частью предложения субъект, структура их будет резко изменена, в результате обороты с атрибутивными отношениями придется преобразовать в обороты с обстоятельственными отношениями. З.К.Касьяненко ограничивает проблему придаточных предложений монгольского языка описанием только причастных и деепричастных оборотов, считая, что в современном монгольском языке отсутствует широко развитая система со-

язычных слов, синтаксические функции которых, по ее словам, покрываются в сложноподчиненных предложениях, причастием в неопределенном и других падежах, причастием в сочетании с послелогом и деепричастными формами глагола (7, с. 8).

Один из крупных советских монголистов Г.Д. Санжеев, отрицая наличие придаточных предложений в монгольских языках, фактически подменяет их так называемыми развернутыми членами. Он пишет, что "если причастие и деепричастие обороты обобщенно называть развернутыми членами предложения, то можно сказать, что последние представляют собой такую организацию слов, в которой: 1. порядок ее членов таков же, как и в предложении; 2. причастие и деепричастие являются двойственными в том смысле, что они, с одной стороны, подчинены следующему за ними глаголу или, поскольку речь идет о причастии, определяемому имени и, с другой – подчиняют зависящие от них слова; эти причастия и деепричастия являются как бы сказуемыми в составе своих оборотов" (19, с. 95). Стояда видно, что организация или структура оборотов, где подлежащее оформляется в родительном, винительном и исходном падежах, а сказуемое – падежными формами причастия и обстоятельственными деепричастиями, согласно Г.Д. Санжееву, полностью соответствует придаточному предложению. В своих рассуждениях он пришел к нигилистическому выводу о том, что "наличие развернутых членов в монгольском языке устраняет надобность в различного рода придаточных предложениях" (20, с.65). Разрядка здесь сделана нами специально, так как фраза "...устраняет надобность..." создает такое впечатление, будто автор то ли не хотел замечать в монгольском языке союзные способы выражения подчинительных предложений, где подлежащее оформлено в

изменительном падеже, а сказуемое выражено временными формами глагола, то ли они рождаются предпочтительно производными, книжными конструкциями с союзными придаточными предложениями более "кодовой" и разговорные, формально упрощенные обороты. В любом случае можно полагать, что фраза "упрощает кадобность ... в придаточных предложениях" вовсе не означает, что придаточных предложений вообще нет в монгольском языке. Наоборот, за ней скрывается мысль о том, что они, возможно, есть в монгольском языке, но нет необходимости специально рассматривать и приводить примеры, когда в языке имеются более продуктивные варианты их реализации.

Читая работы Г.Д.Самжиева, мы пришли к такому выводу потому, что столь крупным утяжелением и тонким знаком монгольских языков не мог не заметить наличие в нашем языке придаточных предложений союзного способа. А между тем в современном монгольском языке имеется довольно значительное количество союзов и союзных слов, восходящих как и в родственных тюркских языках¹ в основном к разным формам частиц, послелогов, местоимений, наречий, причастных и деепричастных форм вспомогательных глаголов. Поэтому мы не согласны с мнением Г.Д.Самжиева, который считает, что союзов в современном монгольском языке нет, если не считать книжных слов ба, бугеэд, болоод или болон, имеющих значение "и", "да" (19, с. 79).

¹ Об активном употреблении в современных тюркских языках союзов и союзных слов разной структуры и разного происхождения см.: Мусаев К.М. К истории союзов в тюркских языках // Советская тюркология, 1980, № 6. Убрятова Э.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

Правда, помимо причастных и деепричастных оборотов Г.Д.Санжеев указывает на возможность употребления в монгольских языках придаточных предложений с коррелятивными союзами типа хэн... тэр... 'тот'... 'кто', которые он рассматривает как синтаксические структуры, редко встречаемые в монгольских языках и появившиеся под влиянием русского языка (21; 19, с. 92). Уместно отметить, что соотносительные союзы в монгольском языке нередко можно встретить как в разговорном, так и в других стилях речи (22, с. 103). Поэтому трудно согласиться с мнением Г.Д.Санжеева.

Известный советский ученый Т.А.Бертагаев, исходя из структурно-семантических особенностей причастных и деепричастных оборотов, с одной стороны, и собственно придаточных предложений союзного типа с другой, впервые непредвзято и более основательно осветил спорные проблемы сложного предложения монгольских языков. Прежде всего он провел детальный анализ причастных и деепричастных оборотов монгольских языков, разделив их на простые (несамостоятельные) и сложные или самостоятельные (2; 3).

Самостоятельные обороты, по справедливому замечанию Т.А.Бертагаева, могут в определенных условиях переходить в предложение, при котором причастие или деепричастие, как ведущее слово оборотов, играет решающую роль. Если в самостоятельных оборотах субъект употребляется в формах генетива или аккузатива, то в оборотах-предложениях субъект выступает в нулевой форме, совпадающей с номинативом. Именно номинативизация субъектного имени при причастиях и деепричастиях и одновременно процесс предикцирования ведущего слова оборота изменяют характер и структуру оборота, превращая его в предложение (2, с. 250-259).

ложение веки разные, хотя первое может переходить в последнее, соответственно меняя форму своих компонентов.

Другой советский ученый Г.П.Шербеев, опираясь на достижения советской тюркологии и монгологии, последовательно развил концепцию Т.А.Бертагаса в свете современных синтаксических теорий. К числу наиболее крупных его работ, где специально рассматриваются вопросы синтаксиса сложного предложения монгольских языков, естественно, нужно отнести докторскую диссертацию "Синтаксис сложного предложения монгольских языков" (М., 1966), монографию "Типы сложных предложений в монгольских языках" (М., 1978), а также другие монографии и статьи, посвященные синтаксису калмыцкого и других близкородственных монгольских языков (12; 13; 14). В названных работах автор в достаточно полном объеме проводит синхронно-типологическое исследование синтаксических единиц и фактов калмыцкого, бурятского и калма-монгольского языков на уровне сложного предложения, дает оригинальную структурно-семантическую классификацию разновидностей как элементарных, так и сложноподчиненных предложений, устанавливает границы между индипендентными предложениями и оборотами и по ходу всего исследования раскрывает те новые специфические явления, которые имеют место в синтаксическом строе сопоставленных или близкородственных монгольских языков. Так, например, обобщая результаты проведенного анализа и четкого поиска он приходит к правильному выводу, что "в современных монгольских языках, таких как калма-монгольский и калмыцкий, идет живой и активный процесс номинативизации субъектного имени в генитивных и актуативных оборотах, в результате чего формы вступивших слов оборотов часто сливаются с формой простого сказуемого

го предложения, что "окончательно закрепляет оборот в качестве предложения" (15, с. 139-145; 16, с. 132-137). Следует отметить, что наряду с семантическими аналогами предикативных предложений, причастными и деепричастными оборотами, по замечанию Г. А. Горбеева, в современных литературных монгольских языках, особенно в калмыцком и бурятском, получают значительное развитие предикативные предложения индоевропейского типа и, что в этих языках начинает прогрессировать "функционально-связный способ соединения частей сложноподчиненного предложения. В своих исследованиях, вошедших в книгу Г. А. Бертагаэвца, Г. А. Горбеев убедительно демонстрирует широкую возможность функционирования в монгольских языках разнообразных связующих элементов в сложных предложениях и тем самым опровергает глубоко укоренившуюся со времени А. Шмидта и Э. Я. Ковчина точку зрения, что в монгольских языках нет союза и союзных слов (25; 9; 19; 1). В связи с этим он правильно замечает, что известным препятствием на пути изучения сложных предложений явилось широко распространенное мнение о слабости предсказуемости в монгольских языках союзных связей (14, с. 136), в результате чего без должного внимания были оставлены такие конструкции, которые представляют собой подлинно сложные предложения союзного типа.

Анализируя наиболее типичные и всеобщие, а также специфические и уникальные явления в синтаксисе предложения трех близкородственных языков автор сумел также в общих чертах проследить те изменения, которые произошли в синтаксическом строе данных языков, и установить пять типов синтаксических универсалий, что фактически является новым в монголистике (17, с. 24-32).

Вопросы сложного и в частности сложноподчиненного предложения нашли соответствующее отражение в диссертационных работах монгольских исследователей Ц.Цэдэндамба и А.Шархуу в связи с изучением грамматических, структурно-семантических особенностей и синтаксического функционирования причастных и деепричастных оборотов современного монгольского языка (23; 24). Так, например, Ц.Цэдэндамба, часть своей работы специально посвящает анализу причастных оборотов, выдвигая задачу выяснения соотношений их конструктивных элементов и разграничения причастных конструкций на простые, самостоятельные и обороты-предложения, исходя из особенностей их семантической и грамматической структуры.

Даже из этого далеко не исчерпывающего обзора признаков сложноподчиненности предложения современного монгольского языка становится совершенно очевидным тот факт, что взгляды, мнения и оценки исследователей сильно расходятся. Часть ученых причастные и деепричастные обороты принимает за сложноподчиненные предложения и на этом основании отрицает возможность функционирования самостоятельных причастных, другие же наряду с причастными и деепричастными оборотами выделяют самостоятельный класс причастных предложений семанто-синтаксического оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амголонов Д.А. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
2. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.

3. Бертагаев Т.А., Ц.Б.Цыцендамбаев. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
4. Бертагаев Т.А. К проблеме сложных предложений в монгольских языках. ВП, 1954, № 4.
5. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
6. Будагов Р.А. Сходство и несходства между родственными языками. М., 1965.
7. Касьяненко Э.М. К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке. Автореф. канд. дис., М., 1953.
8. Касьяненко Э.М. Придаточные предложения и оборот в монгольском языке // Проблемы лингвистики. М., 1957.
9. Козыч В.А. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1950.
10. Мунзаванцан П. Монгол нийт грамматикн асуулгуну. Улаан-Батор, 1951.
11. Мунзаванцан П. Калмыцкы кыбалак агуулгав. Эрчим калмык монгол кал зун. Улаанбаатар, 1955.
12. Нурбеев Г.И. Грамматика калмыцкого языка. Простое предложение. Элиста, 1977.
13. Нурбеев Г.И. Грамматика калмыцкого языка. Сложное предложение. Элиста, 1978.
14. Нурбеев Г.И. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложениями монгольских языков. ВП, 1981, № 6.
15. Нурбеев Г.И. Об многозначности в синтаксисе предложения монгольских языков. ВП, 1977, № 5.
16. Нурбеев Г.И. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
17. Нурбеев Г.И. Синтаксис сложного предложения в монгольских языках. Автореф. канд. дис. М., 1981.

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...
15. ...
16. ...
17. ...
18. ...
19. ...
20. ...

...

...

Грамматические сочинения представляют собой только одну, но существенную часть большого количества переводов, соучастниками в санскрита на тибетский и монгольский языки из многовекового обширного литературного и научного наследия древней и средневековой Индии. Большой научный интерес переводы санскритских памятников на разные языки мира, в частности на тибетский и монгольский, представляет потому, что оригиналы многих памятников не сохранились.

2. Языковая грамматика Ламзини.

3. Грамматическая традиция школы Ламзини, занятая, в основном, комментированием грамматики Ламзини.

В том же (194) дзержского издания тибетского Ламдзуга *layun chayan* — во введении Бюрологического раздела (*sgra rig pi skor*) отмечается, что существуют восемь основных грамматических сутр *sgra mdo chen* по *lung ston pa bgyad. esi d'jegalagcen layun chayan* — и наиважнейшей ушей *yeke salar*, а все остальные считаются координированными с ними. Но никаких сведений об этих восьми сутрах не приводится.

Известный тибетский ученый Лондонского университета (*kleng rtoi bla ma ngag dpang cho brang*) в своем труде *rig gnas che sa sgra rig pa las byung ba'i ming gi grangs bshags so d'qayun-u yeke bron layun chayan* — *non yaragsan nes-e-yin toyai d' orasibai* перенюмтер эти восемь основных сутр в традиционной последовательности: *sgra mdo chen po bgyad yod de/ seags rgyis kyi rangs ce che yi mdo dang/ 'jam dbyangs/ 'jig rten dang phyag aus kyi 'khor ba'i d'ayangs gsar la brten pa chen pa'i ugra mdo dang/ bgya byin gyis mdzad sa inbra bya'a ka ra/ bram ze pa'a nis mdzad pa'i pa'a gi bya'a ka ra/ gznon na gdong arug gis rgyal po b'rang payag go chu la gsungs pa rtogs bla ba rgyal po lugs kyi bstan bcos sgra mdo ka'a la na/ de yi 'grel pa jo bo arag 'byor gyis mdzad pa'i slob phan/ slob dpon tsandra go mis mdzad pa rtogs dga' ba pandi da'i lugs kyi bstan chos tsandra bya'a ka ra/ rgyal ba inga pa chen po'i skabs su 'dar pa smon gro ba ngag dpang phun chogs kyi a trarya go ku la na'a tha sogs la brten nas bsgyur ba sgra mdo dbyangs chen dang/ de yi 'grel pa 'dar pa rang gis mdzad pa jo nang ta'a ra na'a thas mdzad pa rnams so/ (2a5-2b2).*

Рассмотрим эти сутры в свете данных дергеского издания тибетского Данджура.

Первые три сутры не включены ни в какое издание Данджура и неизвестно, существуют ли они вообще как в санскритском оригинале, так и в переводе. Поэтому трудно что-нибудь определенное сказать относительно этих сутр. Но несомненно то, что эти сутры, созданные задолго до возникновения буддизма в Индии, служили почвой для появления более поздних, завоевавших мирополу известность драматических сутр, в первую очередь для "Четырех великих сутр во главе с Паннимевьякарана".

Древние индийцы, несомненно, гордились в этих три сутры, как во все величественные наутры, считая, что они проповедали несомненно божественно. Когда затем санкрангованы и возделаны к божественным поточникам. Но позже, когда Сива, они подверглись редакциям в буддийской редакции. Литература: первая сутра со- гавлена Буддой (sangsa rgyas) вторая - Мамачхура (jam sbyangs 'jig rtin sang rnyug, а уж потом, третья (brgya byin). Pāṇini vyākaraṇa sūtra (tib. brā srgroḥ ka ka'a ni ni'i nas. sokuva sokiyalaḥya- luyar paṇini-yin saḥar). В современной Индии эта сутра известна под названием аяташхуяи ("Божественные книги"). Это название переведено в монгольском Данджуре переводчиком vamaśīla как "asura kleṃyī ayalyan-a nauiman yene saḥar [1, т. 2, 32].

Нет необходимости много говорить об этой всемирно известной древнеиндийской драматике. Она пользуется столь широкой известностью в научном мире, что и в Индии и в Европе даже сложилась особая отрасль знания - панниведение.

Напомним, что относительно точное время составления сочинения еще не установлено. Но наиболее рас-

трага Бала-Бхадру. Последний преподавал Панкиньюма-
рану (грамматику Панкини - Д.К.) Дарса-лоцзаве, кото-
рый осуществил перевод и тибетское редактирование
этой работы" [7, т. I, с. 136].

В коллоквиуме переводчик особо подчеркивает, что
он пользовался доброй волей пантити Бала-Бхадры и
Нитого Лакан-нам и пользовался комментарием, состав-
ленным великим учителем (Шо́гьюа) Рама Чандром. Об
этом также говорится в коллоквиуме монгольского перево-
дчика:

Дарса-лоцзава не только перевел грамматику
Панкини, но одновременно составил на тибетском языке
объяснительный комментарий и на́й ра'а ни ни оу'а ка ра на
gshung 'grei gyi go don cho ga dper brjed sags rig
zang ba bkod pa legs bshad nor bu 'dren pa'a chun ra
snes bya ka [7, т. I, с. 136, 137-138a]. Это сочинение

представляет собой комментарий к грамматике Панкини
и является переводом с тибетского языка на монгольский.

Составил комментарий, перевод и объяснение сочине-
ния в тибетском языке великий учитель-освященник (Шо́гьюа) Рама
Чандра великого учителя-освященного, великий учитель и
переводчик, великий учитель-освященный великого
учителя и пантиньямарана, великого учителя Бала Чандры.
Перевод составил великий учитель-освященный великого
учителя-освященного в великом пантиньямаре Рама Чандра. Он
сказал, что комментарий Рама Чандры был переведен на
тат. по переводу на монгольский язык [7, т. I, с. 136,
с. 137].

Однако выпускник (1973 года) филологического
факультета МонГУ Н. Гуренбаар в своей дипломной рабо-
те выдвигает предположение о том, что перевод монго-
льского Чанджуря, до сих пор считающийся переводом
Панкини, может быть переводом не самого сочинения Па-
нкини *Ashtādnyūī*, а именно комментария Рама Чандры.

Трудно объяснить, почему грамматика Паннини не была переведена ранее, во времена, когда не менее сложная в переводческом отношении работа была выполнена по переводу санскритских грамматических компиляций. До перевода знаменитой работы Паннини тибетские переводчики ограничивались переводами комментариев к этой главной сутре.

Несколько слов относительно тибетского перевода Паннини. Грамматика Паннини в тибетском переводе содержит 36 глав и названия глав перечислены в конце афоризмов. Хотя перевод сделан, главным образом, с учетом в целом, в некоторых местах мы встречаем несоответствия перевода точного значения сутры. Как известно, афористическая краткость, наподобие алгебраической формулы, очень характерна для работы Паннини. Она передана в тибетском переводе во всем ее своеобразии, что свидетельствует о высокой квалификации тибетского переводчика, который, различая неуловимый оттенок значения каждой сутры Паннини. Кроме того, надо принимать во внимание то, что труд Паннини был переведен на язык, отличавшийся от санскрита, а именно на тибетский. Вполне очевидно, что работая над переводами, тибетскими переводчиками получена помощь от вышеупомянутых других индийских пантин, которым он адресует особую благодарность в коллокации своих переводов.

Монгольский перевод грамматики Паннини осуществлен в рассмотренном нами тибетском переводе крупным монгольским переводчиком: Сумаджи-шипа (Sumadžišila) в 1718-1720 годах/помещен на Ia-37a листах 233-его тома монгольского Дамшудра.

Мы очень мало знаем об этом монгольском переводчике. Но из колофонов монгольского Дамшудра видно, что он был великим переводчиком и переводил ряд

основными трактатами санскритской грамматики с тибетского на монгольский. Наряду с переводом грамматики Цанкии Фудалишига переводил на монгольский язык впоследствии подробный комментарий Дарба-тоцзани к грамматике Цанкии и в период подготовки и перевода грамматики Цанкии в последние годы XVII в. переводил один из основных комментариев Цанкии *Caṅdra vyākaraṇa caitra lang stea pa tsaṅtra pa'i kḥo* (Сандра выакарана чайтра ланг стей па тса́нтра па'и ххо). В 1781-82 гг. язык монгольского Данджура вышкони также переводил ряда других религиозных сочинениях, выполненных переводчиком Фудали-шига или Лобсан-чуткином.

Фудали-шига и Лобсан-чуткин — это имена одного того же лица. *Zandisiba* является санскритским эквивалентом тибетского имени *blo bzang sañ kagims* (монг. *Byezang-shaltin*). Надо заметить, что многие тибетские литераторы по примеру тибетцев очень часто именуют себя в названиях своих трудов санскритским эквивалентом своего имени. И здесь мы встречаем то же самое. Значит, настоящим или переводчиком — Лобсан-чуткин.

Однако, в силу того, что в то время (начало XVIII в.) среди монгольских литераторов было немало Лобсан-чуткинов, мы не можем с уверенностью утверждать, что все эти переводы осуществлены одним и тем же Лобсан-чуткином. Так, например, яма из монастыря Эрдене-Бу Кагса-дархан в 1766 году в 32-летнем возрасте ушла у некоего гекона Лобсан-чуткина. Переводчик того времени Таманарага Фудали-шига переводил с монгольского на тибетский сутру под названием "*Jeag, seter, takil neretü orusibai*" (Об этом говорится в начале его сочинения). В коллофоне сочинения "*Ḥokistu urayun-a jiran-a jiran siluqtü-yin tayilburi*", находящегося в II2 томе монгольского Данджура также читается: "...*raṅu qi-*

tuutu-yin ticsi bigen Samaišila-bar kongyolcila-
bai". Видимо, последний перевод все-таки принадле-
жит переводчику трагедии Паньки.

Многие исследователи, начиная с Т. Татва, путе-
м этого Лобсан-чунгима в Махар-гэши Лобсан-чунги-
ном, считают, что "перевод знаменитой трагедии Па-
ньки принадлежит известному монгольскому ученому
Лобсан-чунгиду (1748-1816), с именем которого связан
перевод и комментарий замечательного произведения
литературы Тибета "Судампа" [3, с. 4]. Но общеизвест-
но, что перевод знаменитой трагедии Паньки
гражданским способом был завершен в 1748-1749 го-
дах, отвергает это утверждение, потому что, когда
перевод знаменитой трагедии Паньки был завершен
в 1748-1749 годах, Лобсан-чунгид еще не родился.
Видно, что перевод знаменитой трагедии Паньки
написан Лобсан-чунгидом в 1748-1749 годах.
Лобсан-чунгид написал перевод знаменитой трагедии
Паньки: yai cunayun saka-dar arban ayiqay
nokoişen jirai jil kicse yaci. bigen-i neyilegji-
sen teyin neşsen kemai ar-e aiyay- noyai jil cun-
ayun qarin tapai nasun-dar cunayun tke usin sar-a-yin
sine yin buyan-dar ekilegei qotal tegilür kemeyen
tekar qanayun-a jil-din (1) sar-a-yin tlayun jüg-in
yartacuyar ilvavalişan-dar teguşbe. a. ivasa noşuay
doayanta jalqai bigen Samaišila-bar kongyolcila-
bai". [2, с. 223, 57a].

Таким образом, переводчик начал переводить тра-
гедию Паньки в 1748 году, закончил свой перевод
замокчим через 3 года.

В заключение отметим, что и известным переводчик
Дарба-лоцзава, и монгольским переводчик Лобсан-чун-
гим переводили трагедию Паньки, что, несомненно,
очень сложно в переводческом отношении, когда им бы-

по 35 лет, возраст, по индийским меркам, достаточно молодой в науке.

Из колофона явствует, что переводчик родился в 1394 году, но дата его смерти неизвестна. Слово *vi-zi-yi* по-санскритски означает монах, именной религиозный обряд (тиб. *dge long* монг. *ayaу-а tekimlig* [4]). А "Rahu sututu-yin tidsi" - ученик Раху кутукта.

При сопоставлении текста монгольского перевода с другими текстами грамматики Панини, например с текстом и переводом на английский язык, опубликованным *Grise Smandja Vazu* [6], выявляются некоторые несоответствие текстов. Это, наверное, и дало повод Ч. Дуронбаяру предположить, что текст монгольского Данджура может быть переводом не с самой грамматики Панини. Для окончательного решения требуется детальный анализ и сопоставление форм (тибетские и монгольские) текстов. А. Вира считает этот перевод сокращенным, предназначенным для издания данджура в ограниченном порядке, что вполне возможно. Может быть, этим и объясняется вышеупомянутое несоответствие.

Так или уже говорили, индийская грамматическая традиция после Панини вплоть до XIX в. была занята преимущественно комментированием Панини и распространением этой системы на праkritы. Даже такие авторитетнейшие сутры как Калала, Чандрана, Сарасвати, вошедшие в число восьми основных грамматических сутр (*sgra mdo chen po lung ston pa bgyad. eṣi ujeḡilug-sen daḡan aḡayaḡ-а nauḡman yool yeke saduḡ*) наряду с самим сочинением Панини, не считая крупных комментариев к ним, рассматриваются, согласно тибетским источникам, как комментарии Панини.

Кондог лама Агван-лобсан в своем упомянутом труде пишет, что все сутры и шастры, сочиненные после Панини и представляющие собой в какой-то сте-

Нели комментарий основник конденции Панни, относятся к двум учением (тиб. sgrub tshaul монг. yosun) - учению Калани и учению Чамдраны и объясняют их сущности. Приведем его объяснение:

ka la'a pa'i sgrub tshul gyi dbang du byas nas/ brjed bya'i don daa zad ston kyang gsal bar mi ston pa lha sku'i ras tshag lt bu/ de la rkyen byin nas don gyi ngo bo tsam ston yang bya byed lugs sogs gsal par mi ston pa lha sku tsnon gyis sbras kyang/ rgyan dang sbyan dbye sogs ma tsnar ba lha bu/ de la rnam dbye sbyar nas tshig tu rdzogs par sgrub pa ni ri mo tshon gyis cha shas yongs su rdzogs pa'i lha sku lha sku lta bu'o// tsandra pa'i sgrub tshul gyi dbang du byas nas/ bya ba rtogs byed ni bying so zhes dang/ rkyen pha rol la'o/ zhes pas/ das dang don gyi bya ba rtogs shing ston par byed pa'i gzhi'o/ rtogs byed ungs ni rnam dbye ste/ de byin pa nyia kyis bar du rkyen gzhan sbyin pa la mi ltes par tshaig nyid du gsal bar grub ba'o/ nam mkha'i khams kyis sgra go 'byed pa rlang khams kyis sgra brda 'byed pa/ mo khams kyis sgra nyar ba/ sa khams kyis sgra 'tshams 'byed ba/ chu khams kyis sgra 'brel chags pa byed/ de tsam na gtogs rgyas par bdag gis ma shes so/.

монголский перевод: Талангын ёс нь онохуула хэл-
сэн шийн ёс бөгөөд... үгний гэгээгчийн үгний очуу-
хон төний үгний ёс бөгөөд, тодорхойлоон эс үзэхд-
бээ... нэрэг зургийн татааран нөхт босгосон мет.
Түш-дор нөхцлийг егч үгний мөн чанар төнийг үзэхд-
сэн бөгөөд үг, үгнийвэр. Үгдэгчийн ёсон төрөгчдээр
тодорхой-лор эс үзэхдээс... нэрэг зургийг булгаар
ялгасан бөлөөч үгээр хийгээд мэдлийн ялгаа төрөгчдэн
эс бүрдсэн мет. Түш-дор энгийн ялгагийг найруулж
өгчлөгчийг гэгэсэн бүтээх нь зургийн булгаар нүв

-омма)». Ванзон-лодой-данба переводил еще несколько комментариев к этой главной сутре:

1. Saṅbanana udževa nāna ūbral pa m̄dor bstan pa [194, т. 194 (re), 69a-71a]. Переводил с помощью старшего брата, великого переводчика Лонзон-доржи-дзадмана.

2) Maṅkaṅgas graha nāna spuṅg blaṅg ba yang sag par v̄saus pa zles bya ba [194, т. 194, 385-100]. Эта работа была переведена в Иеначо.

3) Viḅvakti karika rnam dbye'i tsnig le'ar byas ba [194, т. 194, 466-356]. Эта сутра переведена, как говорится в колофоне, по указанию bla ma dan pa sros kyi rduṅal po⁶ и в соответствии с указаниями старшего брата великого переводчика Лонзон-доржи-

6) Названия своего комментария Магваши⁷ Бая пан-цунг Лхосан-нунгва⁸ (1616-1715) дает нам очень интересную информацию: первые 18 глав этой работы прокомментированы только Ванзон-лодой-данба.

Важно отметить, что прозвище крупного тибетского ученого и религиозного деятеля XI в. Пагва ламы Гедой-дзадмана (1033-1086). Он занимает важное место в истории монгольской филологии как создатель монгольского квадратного письма. Прозвище в переводе на монгольский означает "бедняк властелин лошадей" (дше-шии лама - властитель учения). Именно такого звания был удостоен Пагва-лама от дубиган-хатана. Авторитет и влияние Пагва-ламы настолько велики в Тибете, что эта сутра вполне могла переводиться по его инструкции. Но, когда Пагва-лама не стало, переводчику было только 4 года. Однако, принимая в расчет тесное отношение Пагва-ламы к его старшему брату Лонзон-доржи-дзадманом, можно предполагать, что перевод этой работы является прямой или косвенной отношением к великому инициатору переводов санскритских книг в Тибете.

-ламы, он жил в XII веке. Он долго жил в Непале и изучал пять малых наук - грамматику, лексикологию, поэтику, просодию и астрологию. Он специально изучал грамматическую науку и перевел несколько трактатов с санскрита на тибетский, включая *Bodhi-satt-vā-vaḍā-kaikalalata* [5, ч. 2, с. 784-785]. Впоследствии этот перевод был проверен и отредактирован его учником, упомянутым Бандон-лодон-данба. Монгольский перевод в Дандзуре принадлежит *Samadibala*, тому, кто перевел грамматику Шанки.

В Дандзуре находим еще одно сочинение, переведенное им: *Tyādyamṭasuyaprakriyā-bijā-rīta-nāma* (ti la sogṣ ba'i mtha'i bya ba rnam par dpyad ba zhes bya ba) [ДТД, т. 196(се), 976-995с].

В составе Дандзура до нас дошли еще несколько сочинений Чандрагомыи:

1) *Uṇḍivṛitti* (un la sogṣ pa'i grol) [ДТД, т. 194(ре), 785-88а]. Переведено известным переводчиком из Лану (shalu) Шалма-раи-Вадра (shes kyong bzang po (1441-1508)). Он был великим лингвистом и написал фундаментальную грамматическую работу на тибетском языке *rtogs kyi 'jug pi dka' gnaḥ snyin po rab grol gyi 'grol ba mtha' dpyod shes snel ne long*.

2) *Bisatyabasargavṛitti* (nyes tar sgyar ba nyi sna pa'i grol pa zhes bya ba) [ДТД, т. 194(ре), 336-336]. Переведено Нима-лха-даном (nyi la rgyal mtshan) в монастыре *bral thar*.

3) *Varn-sutra-nāma* (yi ge'i mdo shes bya ba) [ДТД, т. 194, 316-316]. Переведено тем же Нима-лха-даном.

Кроме того в Дандзуре находим много комментариев и этикет сочинениям Чандрагомыи. Они переведены упомянутым Бандон-лодон-данба и составляют основную часть 194(ре) тома тибетского Дандзура.

III. Sarasvatī vyākaraṇa sūtra (Тиб. brda sprod
dbyangs can gyi mdo монг. dokiy-a dokiyaldylyusan
sgešiq-na sanar) [ИД., т. 127 (se), IIб-
125a].

Коммент. к этому указывают: rgyal ba lnga pa chen
po'i skabs su 'dar tsnogs kyis a tsarya go ku la
na' a tha sogs la brten nas pa smon sro pa ngag dbrang
paṃa bzgyur ba sgra mdo dbyangs can [ИД., табудувар
Далай блан-а-йин дү-е-дар Дарба-монсба-аг Ваг-пан-
сов-сер вогулаата теригитен-дар ситарйи орейалдузан
дауан-а санар сгеšiq-ти].

Тибетский перевод осуществлен в 1663 году упе-
кипутин Дарба-монсба, переводившим грамматическую Памки-
ти. Из него видно ясно, что Дарба-монсба был учеником
Митого Далай-ламы при переводе этой сутры
пользовался помощью индийских пандитов. В Монголии эта
сутра получила широкое распространение на тибетском
языке и под тибетским названием Даб-гунри (dbyangs
can mdo) Монгольский перевод принадлежит Даб-гунри
Агван-танцину (Dai gūn's darqan sife teth Агуван-дан-
вил Тиб. ngag dbrang bstan 'rnel 1700-1700) из колду-
на Сайна Гомон-балжора.

Основной комментарий к этой сутре - Sarasvatī
vyākaraṇa sūtra vritti (brda sprod pa'i bstan bcos
sneṃ po dbyangs can bya ba [ИД., т. 127 (se), IIб-
125a], составленный Anubhūti Svarupa, переведен на
тибетский и монгольский языки теми же переводчиками,
которые занимались предыдущей сутрой.

Касаясь монгольского перевода санскритских грам-
матических работ надо заметить, что все они осуществ-
лены: в тибетских переводах и включены в соответст-
вующие тома монгольского Данджура. Мы очень мало
знаем о монгольских переводчиках, которые переводили
санскритские грамматические работы с тибетского.

Но в свете колофонов монгольских переводов можно утверждать, что достаточное количество томов, содержащих грамматическую часть данцуря, были переведены следующими переводчиками:

1. Dai gūisi sarḡan siregeti Arvanḡ-darḡil (ngag ḡbang bstan 'dḡai Iḡḡ-ḡḡḡ) из монастыря (примечание) Сонг-санг-багца. (Zḡḡḡ-ḡḡḡḡ nar-un aimak).

2. Biligtū gūisi Libsanḡ-ḡḡḡḡ (ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ). Монашья брат Арван-дангца.

3. Bumadisila или Latsanḡ-ḡḡḡḡḡḡ (ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡḡḡḡḡ). Монашья брат Ракун-кунгца. 1ḡḡḡ-?

Этим подтверждается, что заморские грамматические работы были переведены на монгольский язык в 1ḡḡḡ-1ḡḡḡ годах.

В заключение следует отметить, что в 1ḡḡḡ-1ḡḡḡ годах в монастырях Монголии были переведены на монгольский язык следующие труды: 1. "Синтаксис" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 2. "Грамматика" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 3. "Лексикон" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 4. "Словарь" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 5. "Грамматика" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 6. "Словарь" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 7. "Грамматика" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 8. "Словарь" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 9. "Грамматика" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ), 10. "Словарь" (1ḡḡḡ-1ḡḡḡ).

1ḡḡḡ - Зарегистрировано в Государственном архиве.

1ḡḡḡ - Зарегистрировано в Государственном архиве.

литература (1, с. 138-139). Визуальность значимых этик
судёжников позволяет некоторым исследователям рассмат-
ривать их как варианты одного и того же судёжника (2,
с. 138-139, 138-139).

Традиционно классификация глагольных основ с дан-
ным судёжником (или судёжниками) проводится либо по соб-
ственной семантике глагольных основ (например, разье-
тинение, отделение, направление движения, полнота дей-
ствия и т.п.), либо по узко конкретной, детализирован-
ной семантике производных основ (например, оружие

действия и материал действия, тара, предмет потребления и т.п.). В настоящей работе делается попытка применить несколько более обобщенные принципы классификации не самих производных глаголов, а производящих основ (по принципу предметности — не предметности и т.п.) и уже, исходя из этого, определять как сферу их применения, так и их собственную семантику и эволюцию.

Основной валентностью суффиксов —л и —ла является номинативная валентность, т.е. наибольшее количество глаголов они образуют от существительных. Существительные, от которых образуются глаголы, подразделяются на следующие четыре группы: 1. предметные, 2. обобщенно-предметные, 3. не предметно-конкретные, 4. ствлочные. Глагольные значения, получаемые от этих основ при присоединении рассмотриваемых суффиксов внутри каждой группы могут быть различными. Взаимосвязь этих значений с семантикой основ существительных и будет рассмотрена далее.

1. Предметные существительные. В эту группу мы для существительных, имеющие конкретные предметы, воспринимаемые органами чувств, представляющие собой законченное (или относительно законченное) целое и допускающие манипулирование ими. Глаголы, образуемые от этих существительных, занимают в себе несколько значений:

А. Действие предметом, обозначенным основой: дорд "подушка" — дордла= "класть под голову подушку", казар "узда" — казарла= "надевать узду", эмаз "седло" — эмазла= "седлать, оседлывать"; аргажа "горевна" — аргажал= "привязывать"; таха "подкова" — тахал= "подковывать" и др.

Б. Действие направленное на предмет, обозначенный основой: абдар "сундук" — абдарла= "класть в сундук", "кольцо, петля" — сүлө= "влезать в кольцо",

режина", 3. "засов, замок" образуется глагол *засов-* с тремя значениями 1. "запирать на засов" (действие предметом), 2. "донать переключателю" (производство предмета) и 3. "опавить что-либо поперек". Третье значение представляет особый интерес, так как оно, отрываясь от конкретно-предметного значения существительного приобретает более отвлеченный характер. Более высокую степень абстракции демонстрируют и следующие глаголы: *эссегиз* = "известить" (но не "посадить цветок", не "вырастить цветку" и т.п.) от *сэсэг* "цветок", *буурсагна* = "бить (или становиться) плодоносным (о растении)" от *буурсаг* "плод, семя", *дойбог* 1. "шахи", 2. "клетки на шахматной доске, шахматный узор" - *дойбогис* = "забить что-либо в шахматном порядке". Аналогичные примеры с суффиксом *-и*: *дугарга* (и) "чарка" - *дугаргаи* = "напивать чарку и подавать ее" (совмещение действия предметом и действием направленного на предмет), *тогтоо*(и) "котел" - *тогтоол* = 1. "кипеть в котле", 2. "варить в котле", *уургаи* "гнездо (белочье)" - *уургаил* = "гнездиться" (но не "строить гнездо" или "накочиться в гнезде"); *гарьха* "кольцо" - *гарьхал* = "обвиваться вокруг чего-либо", *орой* "вертушка", "голова, теля" - *оройл* = "возглавлять", и др. Развитие переносных значений также ведет к усилению отвлеченности в семантике производного глагола: *зүрхэ*(и) "сердце" - *зүрхэл* = 1. "отважиться, решаться, набираться смелости", 2. "прилагать усилия".

Выходят за рамки узкой конкретности и единичные глаголы, образованные от одушевленных существительных, заключающих в себе наименование-характеристику: *балмагна* = "дурить, озорничать, суляброшничать" от *балмад* "суляброк/сулябродный", *бөөлө* = "петь, шаманить, камлать" от *бөө* "шаман"; *долдогил* =

"быть болтливым" от долгой "болтун, говорун" и др. Эти выходы за пределы конкретности и создают предпосылки к дальнейшему расширению сферы употребления суффиксов -л и -ла.

Существенным свойством глаголов первой группы в целом является близость их значений к синкретическим глагольным формам существительное/глагол, обладающим тем же набором значений [3]. Именно эта близость к синкретическим формам, а также характер лексического слоя, обозначающего бытовые реалии и предметы, связанные с производственной деятельностью — охотой, скотоводством и т.п., позволяет сделать предположение о верности данных значений, придаваемых производным глаголам суффиксами -л и -ла.

II. Обобщенно-предметные существительные. Эти существительные обозначают реалии, представляющие собой вещество, совокупность каких-либо предметов, видовые названия каких-либо классов предметов, явления природы, ландшафтные образования и т.п. Глаголы, образованные от этих основ, обладают следующими значениями:

I. Действие предметом, обозначающим основой. В эту подгруппу попадают глаголы, образованные от существительных, обозначающих вещество, которое в данном случае служит материалом: земл= "медь" — земл= "покрывать медью", шел= "стекло" — шелл= "стеклить, остеклить"; гуул(и) "бронза" — гуулл= "покрывать бронзой или латунью". Эти глаголы, несомненно, близки к глаголам в I. I, но далее, в глаголах от других основ степень обобщенности действия увеличивается: сэрел "войско, армия" — сэрелл= "воевать", замсел "орудие, инструмент" — замселл= "оснащать"; мажа "серебряная оправа для ме-

Круг прилагательных, к которым присоединяется суффикс -я широк и разнообразен: бушуу "быстрый", проворный" - бушуул= "делать что-либо быстро, торопиться", дулаа(н) "теплый" - дулаал= "согреть, греть, утеплять", "одеваться потеплее", зою "гостеприимный" - зоюл= "принимать, угощать, потчевать гостя", тарган "жирный" - тарган= "жиреть, тучнеть, полнеть", эрез(н) "пестрый" - эрезал- 1. "быть пестрым, пестреть", 2. "испещрять, делать пестрым".

II. Оценочные прилагательные. Прилагательные этой группы представляют собой слова, оценивающие или характеризующие объект по какому-либо внутреннему, присутствию ему качеству, не обладающим конкретным воплощением в признаках, воспринимаемых органами чувств. Эти прилагательные обозначают также же оценочные понятия как и существительные четвертой группы. II, также как и существительных четвертой группы и прилагательных первой группы, различия от данных прилагательных обозначают различия качества с различной направленностью действия. Действие может быть направлено вовне: дуу "любимый" - дуулаа= "любить", таамаг "предпожигательный" - таамагга= "предпожигать, поджигать", дууаг "морозительный" - дууагаа= "замораживать, бесконечно мучить", уймаг "сумасбродный", безрассудный" - уймагга= "поступать безрассудно, сумасбродничать", колхоз 1. "беззаботный, беспечный", 2. "праздный, разгульный", - холхорас= 1. "вести беззаботный образ жизни, жить беспечно", 2. "жить праздно, разгульно"; тэрхээ "несоконовый" - тэрхээл= "ерзать, вертеться, барахтаться (о рыбе)", действие также может быть направлено на создание самого качества (вариант "самонаправленного" действия): ариг "чистый, сияющий" - аригла= "очищать, чистить", аргаг "надоедливый, неприятный" -

да", еедэ "вверх, кверху" – еедэл= "идти вверх, подниматься", эртэ "рано" – эртал= "собираться куда-либо спозаранку, пораньше".

В единичных случаях глаголы с этим суффиксом образуются от других разрядов обстоятельственных наречий, например, от наречий цели: зорёон "наочно, намеренно" – зорёон= "делать наизно, поступать наперсмор".

Таким образом, по своему обобщенному значению, глаголы, образованные от наречий, аналогичны глаголам от непредметно-конкретных существительных (II, 1, 2).

Глаголы с рассматриваемым суффиксом образуются и от близких к наречиям по своим функциям местоименных частиц-приветов ⁴. Особенность функционирования этих суффиксов, в данном случае, состоит в том, что они превращают частицу-приветок в обстоятельственное слово, в то время как в единичных словах этого великого заимствования от обобщенного глагола. Например, бута – уединенно или к одинокому человеку по значениям "запробовать, попробовать, попробовать" и т.д.: бута сойкино "разбить, раздробить", бута дарина "разбить", бута дэбиское "растолочь", бута мадеке "растолочь". Отсюда: бутал= "раздробить, разбить, разкрошить; колоть, размолоть". Абсолютное большинство таких глаголов от частиц обладают семантикой разрушения, размалывания и т.п.: буса сойкино "разбить, раздробить", буса галине "растолочь" – онеал= "раздавить, смять, размякать", буса сойкино "разбить вдребезги" – агсат= "разделить, размельчить, растолочь", нилга галана "осаждать, осланивать" – нилгал= "осадить, ослать (гому на море)", оло карбана "прострелить" – олол= "рубить поперек, перерезать, перерезать", нолто галана "отливать", нолто

ожики "включать" - колтол= "отдирать, отламывать".

У суффиксов -ла подобные частицы встречаются не только редко: заа татаха "разрывать, отрывать" - заала= "разрывать", "раздвигать", куу татаха "отрывать, срывать" - куука= "отрывать, срывать".

Несмотря на то, что глаголы обозначают "действие, направленное на предмет", но этот предмет не назван. Поэтому глаголы и их формы данные глаголы не имеют аналогов среди всех рассмотренных выше образований и представляют собой самостоятельное явление. Роль суффикса обозначит в данном случае лишь в придании частице грамматического глагольного значения, а семантика основного глагола может замещаться без изменения значения, развиваясь, претерпевая некоторые изменения, образуя новые значения: тапа сабхака "отрубать, отрезать" - такал- I. "отрезать", II. "перерубать", "примазывать", III. "линять", IV. "разбирать".

Возникшие из частицы полнокорневые слово-глаголы выносятся в систему слов= и формообразования и отсюда могут образовываться другие слова, принадлежащие к иным грамматическим разрядам слов: кака сурака "разрезать, разрезать, прорезать" - какал= "разрезать вдоль, перерубать пополам, разрывать надвое" и далее: какалаата I. "колотый, расколотый", II. "вспаханный"; какалаца= страд. залог I. "раскалываться", II. "раскалываться"; какалалга I. "колна", II. "вельшка"; какалбарк "линия, разделяющая что-либо; проаль"; какалбарил= "разделать, раскопывать"; какалбарки= "разрезать надвое, рубить, разорвать, расколоть" и т.д.

Глаголы, образованные от числительных, междометий и звукоподражательных слов, с суффиксами -л, -ла по своей семантике аналогичны глаголам от существительных III. 2 группы, поскольку обозначают дей-

стве, реализующее объект, обозначенный соответствующими основами: хоёр "два" - хоёрло= "разделить на две части (т.е. сделать два)", гурбан "три" - гурбал= "разделить на три части"; сог (мелодетне, обозначающее громкое восклицание), - согло= "окивать, кричать (т.е. производить крик)"; хааг (звукотражание карканья) - хаагла= "каркать (о воронах)" [2, с. 126, 127].

И, наконец, суффиксом -л и -ла, являясь одним из самых продуктивных глаголообразующих суффиксов, образует абсолютное большинство глаголов от русских заимствований в бурятском языке. Различия между суффиксами -л и -ла при употреблении с заимствованными словами достаточно отчетливы. Во-первых, глаголов с суффиксом -л, образованных от заимствованных слов, больше, чем с суффиксом -ла.

Во-вторых, если суффикс -л присоединяется как к существительным так и к глаголам, суффикс -ла присоединяется только к глаголам. Во-третьих, производные глаголы с суффиксом -л являются действительными, а с суффиксом -ла - страдательными.

1. Действие, направленное на предмет, обозначенный основой "бетон" - бетонол= "бетонировать", замар "замок" - замарла= "замарать", наряд "наряд (на работу)" - нарыла= "делать распоряжение, наряжать на работу", сакар "сакар" - сакарла= "делать сакар".

2. Действие, направленное на предмет, обозначенный основой: завтрак "завтрак" - завтрагла= "завтракать", обед "обед" - обедло= "обежать".

3. Производные предмета, обозначенного основой: абзац /абзац" - абзацла= "делать абзац", акт "акт" - актла= "оставлять акт", бригадир "бригадир" - бригадирла= "быть бригадиром", сумарь "су-

карьла= "судить сукарн".

От небольшого количества обобщенно-предметных и неопределенно-конкретных заимствованных существительных образуются глаголы со значением действия, реализующего предмет или объект, обозначенный основой: номер "номер" - номерно= "номеровать", сорт "сорт" - сортно= "сорттировать, рассортировать", сууд "суд" - суудла= "судить", штурм "штурм" - штурмла= "штурмовать".

Эти примеры свидетельствуют о полной идентичности функций и семантики суффикса -ла в исконно бурятских и в заимствованных глаголах.

Функция суффикса -л при присоединении к заимствованным основам различна. При присоединении к глаголам, а в основном глаголам являются глаголы с суффиксами -она, преимущественно являющиеся заимствованными и в русском языке, показатель инфинитива -ть отбрасывается и на его место подставляется суффикс -л. В этом случае роль этого суффикса сводится к адаптации иноязычного глагола к бурятскому языку. Исконная основа слова грамматического значения не меняет: блокировал= "блокировать", бойкотировал= "бойкотировать", вентилировал= "вентилировать", голосовал= "голосовать", группировал= "группировать", "сгруппировать", заседал= "заседать" и др. Глаголы другого типа заимствуются крайне редко: окислял= "окислять", дежурил= "дежурить".

Заместованные имена, к которым присоединяются суффикс -л, в большинстве случаев представляют собой отвлеченные существительные, а глаголы, образующиеся от них, с семантической точки зрения представляют собой реализацию понятия, заключенного в исконной основе: амнистия - амнистиял= "амнистировать", гарантия - гарантиял= "гарантировать", команда - командал= "командовать" и др.

От небольшого количества предметных существительных образуются глаголы со значением действия, направленного на предмет, обозначенный основой и действие предметом, обозначенным основой, то есть соответствует группам I, I, 2 глаголов бурятского языка: база "база" - базаат = "закладывать базу", "класть в основу", борной "борной" - борнойт = "боронить", буулик "булика, коврига" - бууликат = "разделять тесто", сулка "сулка" - сулкаат = "класть в сулку", сулка "сулка" - сулкаат = "класть в сулку".

Во всех этих случаях функция суффикса -а замечается, во-первых, в адаптации заимствованного слова бурятским языком, а во-вторых, в переводе слова не одной грамматической категории в другую. Суффикс -а и в этом случае, как и при употреблении с исконно бурятскими словами демонстрирует синонимичность к передаче более специфичной посылки.

Так же обстоят дела с глаголами "адаптироваться" и "адаптироваться".

а) суффикс -а - от глагола "адаптироваться" - адаптироваться = "адаптироваться", адаптироваться = "адаптироваться", адаптироваться = "адаптироваться".

б) суффикс -а - от глагола "адаптироваться" - адаптироваться = "адаптироваться", адаптироваться = "адаптироваться", адаптироваться = "адаптироваться", адаптироваться = "адаптироваться".

При употреблении суффикса -а в -а в глаголах "адаптироваться" и "адаптироваться", в некоторых случаях глаголы являются синонимами, а иногда и образуют синонимичные пары синонимичного значения. Так же, как и глаголы "адаптироваться" и "адаптироваться".

...и ...

...и ...

...и ...

...и ...

...и ...

...и ...

...и ...

Этому кругу составляют глаголы, значения которых означаются как бы продолжением, следствием значения, заключенного в основе: глаг "дом" - герлс-г. "мечиться" (то есть, "создать дом, семью") и 3. "вставлять в рамку" (то есть, как бы "создать дом" для фотографии, картины) - это второе значение близкое к первому: дали "крылья, крыло" - данпа- "манать руками", "манить, звать рукой", "приглашать",

Вместе с тем, в подобных примерах, переносное значение возникает не столько на базе семантики исходной формы, сколько на представлениях носителей языка о взаимосвязи явлений реального мира и метафоричности мышления: зурма(и) "сердце" - зурнал= 1. "отраживаться, решаться, набираться смелости", 2. "прилагать усилия", наде "глаз, глаза" - надед= "повалиться куда-либо", орой "вершина, верхина", "голова, темя" - оройт= "возглавлять, быть во главе", остгой "голова" - остгойт= 1. "находиться во главе, править", "возглавлять, руководить", 2. "вершить", 3. "быть главарем", 4. "направляться" и др.

Необходимо отметить, что в целом, возникновение переносных и разветвленных значений при образовании глаголов возникает реже, чем при образовании именных частей речи и наречий.

Сопоставление глагольобразующих суффиксов -л и -а выявляет несомненную семантическую близость двух формантов. Незначительные различия отмечаются в степени отвлеченности тех основ, к которым они присоединяются и, соответственно, степени отвлеченности производного глагола, а также в сфере функционирования, выявленной выше. Эти различия представляются достаточными, чтобы считать данные суффиксы различными формантами, а не фонетическими вариантами одного показателя, что, впрочем, не является проблемой первостепенной важности.

Более существенным выводом следует признать высокую семантическую стабильность обеих суффиксов, состоящую в том, что значения производных глаголов от всех четырех групп существительных, двух групп прилагательных и других грамматических разрядов слов, в сущности представляют собой модификации трех зна-

ченик, виденник в первой группе и, как уже отмечалось выше, весьма близки между собой.

Семантическое развитие рассмотренных суффиксов носит, таким образом, лишь количественный характер, эволюционируя от суффо конкретно, например, "производства предмета" до отвлеченной "реализации понятия", от "самопроизводства" до "самореализации", что определяется семантикой производящей основы, ее конкретностью или ее отвлеченностью.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Грамматика бурятского языка., 1962.
2. Дондуков В.-И.И. Суффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ. 1961.
3. Чариков С.И., Эргман Л.В. Семантика основ типа глагол/существительное в эвенкийском и английском языках // Языковые единицы и методы их исследования. Л., 1969.
4. Чариков С.И. Наречные слова и частицы в системе частей речи бурятского языка // ИЯ, 1981, 3.

Н. Чойнаа

К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ АФФИКСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Для теории языка, в частности, структурной характеристики слова первостепенное значение имеет анализ его словообразовательных элементов на уровне корневых морфем. Изучение словообразовательных суф-

фиксов монгольского языка в диахроническом аспекте, в сравнении с родственными языками — древнетюркским, маньчжурским и другими алтайскими языками в определенной мере проливает свет на морфемную и словообразовательную структуру слова и помогает расчленению отдельных синхронно неделимых суффиксов на составляющие части — морфемы.

В данной работе сделана попытка рассмотреть этот вопрос на примере аффиксальной морфемы — *san* (-*sän*), некогда отличавшейся значительной продуктивностью, проведяной большой эволюционной путь и дающей удивительную возможность для выделения нового класса слов с окончанием — "э" в современном монгольском языке.

Впервые в советской лингвистике рассмотрению имен существительных и прилагательных словообразования, рассматриваемой суффиксе получила весьма полную трактовку. Причем в книге подчеркивается только один и тот же пример: слово "пана", нулевой "овер" и ряд других. Например, Н. Нопка в ее сочинении "История монгольского языка" пишет: Суффиксальная "е суффикс" — *san* (-*sän*) имеет значение уменьшительности и встречается чаще. Например: *näbusan* от *näba-*, *kočesan* от *koče-* (1, с. 37). А. А. Динеев в "Историческом грамматическом очерке монгольского языка" рассматривает и описывает глаголы, образует глаголы, выражающие движение, например: *шүү* — "идти" и т.д." (2, с. 130). Такой рода замечание мы находим в работах В. В. Мамбаева (3, с. 20), Г. В. Сидорова (4, с. 30), А. Д. Дурдыева (5, с. 31), Г. Ганголова (6, с. 90) Г. В. Сидорова и др. Однако эти авторы признают наряду с образованием на —е от глагольной основы наличие образования на —э и от именной основы. В качестве примеров они приводят слова: *ая* — *аэе* "краска, краска", *дур* — *дурэ* "дурно", *ид* — *идэ* "идти", *агу* — *агүэ* "идти"

образуют производные слова как от основ глагола, так и от основ имени, имеет в монгольском письменном языке два варианта: - э (агжааэ - "утомление", алдаэ - "погрешность") и - эий (хүдэий, ~~сэ-ий~~ (7, с. 96-98). Примечательно, что в "Монгольском академическом монгольском" (ОММ) зафиксирован звукосочетание этого суффикса и одной и той же основе слова. А. Вонд отмечает, что в ОММ слове "горах" встречается в двух видах: *байлауэс* и *байлауэсий*. Однако в названном письменном памятнике мы находим не *боргу байлауэс*, а *боргу байлауэсий*.

Теперь рассмотрим приведенные выше названными исследователями слова *эй-эйэ*, *тэр-тэрэ*, *эй-эйэ* - *эйэ*. Транскрипция этих слов старомонгольского монгольского языка имеет вид: *эйэ* - *эйэс*; *эйэй* - *эйэйс*; *кэй* - *кэйэйс*. Очевидно, что обозначенная в словах *эйэ* и *кэйэ* суффикс -э представляет собой что-то разное с суффиксом -ий, полагаем, что суффикс -э, встречающийся в словах *эйэ*, *агжааэ*, не имеет связи с суффиксальной чередой - *эйэй*, а тем не менее связан с суффиксом множественности -э.

Рассмотрим зафиксированную морфему - *эйэй* (-эйэй) более подробно, для чего проанализируем зафиксированные в различных словарях слова древнеписьменного монгольского языка с суффиксами - *эйэй* (-эйэй) и -*эйэй* (-эйэй). Из анализа этого своеобразно отобранного материала явствует, что эти суффиксы обладают большой продуктивностью в древнемонгольском языке и выступают в качестве словообразовательных единиц для названий растений и животных, их частей, тканей, органов и выделяемых ими различных веществ.